

217. Серенити

– Готова?

Ван Ян и Джессика стояли перед диваном в опрятной гостиной. Это был её номер. Что касается того номера, который будто разграбили, то они убрали кое-какие вещи интимного характера и вызвали обслуживающий персонал отеля.

Джессика с серьёзным лицом кивнула:

– Начнём.

Она решила узнать, появились ли какие-то изменения в её игре после того страшного опыта.

Ван Ян, глядя в её глаза, тоже пока не мог думать о других вещах. Он подробно объяснил репетируемую сцену: после того, как бойфренд “внезапно” сообщил Андреа, что надо расстаться, она с растерянным, страдальческим видом стоит на улице. Он объяснял:

– Знаешь, Андреа пребывает в недоумении. Она очень любит свою семью и своего парня, ей всегда казалось, что всё в порядке. Из-за перспектив, которыми манила работа, она была так занята, что не имела возможности провести время с близкими. Она считала, что надо лишь потерпеть годик, что все войдут в её положение...

Он сделал паузу и вдруг ещё отчётливее представил настроение и мысли Андреа в тот момент. Он продолжал:

– А в результате от неё все отвернулись, она возмущена, пребывает в замешательстве, чувствует себя беспомощной, страдает... Сама прочувствуй.

Джессика агакнула и, закрыв глаза, сказала:

– Я чувствую...

Она вспомнила вчерашнюю ситуацию и сразу ощутила ту душевную боль, из-за которой ей так хотелось всё забыть...

– Джессика, – тихим, нежным голосом обратился Ван Ян, видя, как она наморщилась.

Он будто гипнотизировал её:

– Ты должна научиться входить в роль. Прочувствование настроения и атмосферы лишь облегчит вхождение в роль, но ты должна именно вжиться в эту роль, понимаешь? Ты должна полностью отпустить себя, не надо ни о чём беспокоиться. Ты не Джессика, которая попала в эту историю. Сейчас ты персонаж.

Здесь нет обнажёнки, нет поцелуев, нет ничего, что бы ты не хотела выполнять. Я режиссёр, я защищу тебя! Ни о чём не тревожься, раскрепости свою натуру, подобно животному! Раскрой своё сердце! Ты не потеряешь себя, ты ничего не потеряешь. Но расслабься, прочувствуй то состояние, представь те события, забудь своё счастье, свою улыбку и свою жизнь, затем встань перед человеком с точно такой же внешностью, как у тебя. Но это не ты. Она опечалена, это Андреа, иди обними её! Заклучи её в утешительные объятия...

Ван Ян обратил внимание на то и дело поджимавшиеся и дёргавшиеся губы Джессики, словно она боролась в глубине души. Эту проблему он обнаружил прошлым вечером. Когда он понял,

что выступления для неё лишь нечто второстепенное, понял, о чём она действительно мечтает, понял, что она хочет быть признанной как “самая красивая невеста на свете”, а не как “лауреат «Оскара» за лучшую женскую роль”, ему вместе с тем стало понятно, почему ей так тяжело войти в роль.

Проблема была не в природной одарённости, а в сильнейшем внутреннем сопротивлении, она как будто боялась вжиться в роль, словно это какой-то постыдный поступок.

На самом деле каждый выдающийся актёр с удовольствием перевоплощается в другого человека, они уже давно раскрепостили свою натуру и на съёмочной площадке могут без остатка отдаться своей роли. Одни совершенно спокойно и естественно входят в роль, другие же долгое время не могут освободиться от самих себя. Джессика постоянно сопротивлялась и осторожничала, каждый раз напоминая себе, что она – Джессика. Как в таком случае играть?

В итоге Ван Ян неожиданно прозрел. Неудивительно, что судя по будущей кинематографии, хранившейся в его голове, пока остальные будут накапливать актёрский и жизненный опыт и готовиться блеснуть своей игрой, у Джессики дела будут обстоять всё хуже и хуже. Когда с возрастом у неё вместе с жизненным опытом будет приобретаться всё больше титулов, ей станет всё сложнее перевоплощаться в других людей, останется лишь одна Джессика. Потому что будет появляться всё больше и больше вещей, которые будут занимать её мысли и от которых она не сможет отказаться.

Это глубоко укоренившиеся в человеке идеология и характер, которые нельзя махом изменить. Да и Ван Ян не считал, что имеет право их изменять, к тому же не считал, что измени он что-то, это было бы хорошо, поскольку это уже была бы не Джессика.

Но в его присутствии ей было проще справиться. Пусть и не оscarоносной, но превосходной актрисой она вполне могла стать. Ему надо лишь искоренить её внутреннее сопротивление и настороженность или хотя бы немного уменьшить их, а также погрузить её в настроение, которое позволит ей легко вжиться в роль...

– Я режиссёр! – продолжал говорить гипнотическим голосом Ван Ян, слушая, как дыхание Джессики стало более тяжёлым. – Я режиссёр, я режиссёр! Ты можешь спокойно отдать мне себя, отдайся полностью, только мне одному, только моему голосу. Доверься мне, положишься на меня! Я говорю: «Мотор» – и у тебя остаются лишь чувства и истории, прописанные в сценарии, ты – Андреа. Я говорю: «Снято» – и ты снова Джессика.

Когда я досчитаю до десяти, мы начнём выступление. Раз, два, три... Восемь, девять, десять!

По мере его слов Джессика лишь чувствовала, как её сердце успокаивается и становится более безмятежным. Он скотина Ян, отдай ему себя, только ему... Перед глазами возник коридор. В конце залитого светом коридора стоял какой-то человек. Пока шёл отсчёт, она стремительно побежала навстречу, а когда приблизилась, очертания того человека приняли её внешность! То была Андреа!

Сцена должна была сниматься крупным планом, поэтому выступление концентрировалось на верхней части тела и лице. Показывалась первая реакция стоящей на улице Андреа после того, как её бросили.

Джессика на секунду отупело застыла. Постепенно лицо приняло не то улыбающееся, не то грустное выражение, в котором переплелись смешанные чувства. Голова чуть вскинулась вверх, глаза уже покраснели, она растерянно заморгала, затем вытерла подступившие слёзы. Охваченное скорбью милое личико мало-помалу напряглось, уголки губ подёргивались.

Сдерживая тяжкие переживания, она наморщила нос, как вдруг в растерянном взгляде сверкнула решимость, после чего она молча развернулась и пошла прочь.

– Снято! Вау! – невольно восхитился Ван Ян, подошёл, обнял её за плечи и поцеловал.

Видя, что она заулыбалась, он кивнул и похвалил:

– Шикарно сыграла! Невероятно! Великолепно!

Прежде, во время съёмки этой сцены, у неё было лишь каменное лицо, затем она наигранно закатывала глаза и поджимала губы. И всё-таки другое дело микромимика и микродвижения. То безэмоциональное спокойствие, что она когда-то показывала, и недавняя дрожь были просто небо и земля. Пережитое состояние дало ей базу для вхождения в роль, а ослабление настороженности позволило ей преодолеть препятствие.

Хотя по сравнению с более одарёнными актрисами, она не выдала ничего поразительного, лично для неё это был новый шаг вперёд. Она сыграла даже на более высоком уровне, чем тогда, когда играла бойкую Андреа на первой стадии. Возможно, она наконец научилась вживаться в роль и поняла, как передать настроение своего героя.

– Я не играла, – это выступление вновь пробудило в Джессике вчерашние боль и горечь, из глаз хлынули слёзы. Она улыбнулась: – Доволен?

Ван Ян молча вытер ладонью слёзы, поцеловал её возле глаз и почувствовал солёные слёзы, после чего, обняв её, сказал:

– Дорогая, я виноват, я... У меня нет никаких отговорок, я виноват.

Джессика оперлась о его плечи и грудь. Двое людей какое-то время стояли в тишине, как вдруг она подняла голову и продемонстрировала милую улыбку:

– Я правда хорошо сыграла?

Ван Ян немедленно кивнул:

– Да, отлично! Ты показала высший класс.

Джессика, похоже, снова стала бойкой. Склонив голову набок, она воодушевлённо вымолвила:

– Я тоже почувствовала! Я как будто только что потеряла контроль над собой, что-то меня направляло во время игры, я совсем не задумывалась, кто я: Андреа или Джессика...

– Здорово, – Ван Ян поцеловал её в лоб, не став говорить, что её направлял душевный настрой. Именно благодаря нужному душевному настрою Уилл Смит смог сыграть Криса Гарднера в туалете на станции метро, а у Роберта Дауни-младшего получилось сыграть всеми отвергнутого героя.

Далее Ван Ян и Джессика проверили ещё несколько сцен. Джессика выступила прекрасно, и, если бы сейчас проходили съёмки, они бы пересняли некоторые моменты. Видя, что проверка проходит успешно, оба человека с молчаливого согласия оставили это занятие в покое. Лучше перенести все заботы на съёмочную площадку!

Воспользовавшись тем, что сегодня было воскресенье, пара отправилась погулять и заняться шопингом. Джессика, точно обезумев, накупила уйму вещей. Она брала практически всё, что

попадалось ей на глаза, словно начисто лишилась женского инстинкта тщательного отбора. Несмотря на то, что пара весь день шутила и смеялась, двое людей казались немного отчуждёнными, как будто между ними выросла тонкая невидимая стена. Даже когда они держались за руки, они по-прежнему были отделены этой стеной.

Ван Ян хотел всегда быть рядом с Джессикой и не покидал её ни на шаг, однако вечером, в связи с тем, что ранее была назначена встреча с Джоссом Уидоном для обсуждения «Светлячка», он, видя, что она весела, отправился в обговорённое место.

Джосс Уидон, человек ростом 178 сантиметров, с наступлением среднего возраста уже начал понемногу набирать в весе. Его круглое лицо не имело чётких контуров, маленькие глаза и широкий лысый лоб придавали ему детскую очаровательность. Сегодня он был одет в белую ветровку и чёрные брюки и в данный момент сидел в укромном углу кафе, размешивая ложкой кофе и посматривая на Ван Яна, который напротив него читал толстый сценарий.

Ван Ян попивал кофе и непрерывно читал полностью написанный на английском сценарий, где периодически встречал фразы на китайском: «Твою мать!», «Ублюдок!», «Тебе конец!», «Извини», «Уяснил?», «Тише будь!» Также имелись кое-какие новые сленговые словечки, например, слово “cool” (клёвый) было заменено “shiny” (блестящий)...

С помощью многочисленных персонажей и сюжетных линий описывался быт “космических ковбоев” на границах звёздной системы: спортивные мероприятия, балы, бары, преступные банды... Реплики были интересные, герои тоже обладали большим шармом.

Но всё это подходило под формат сериала. В фильме можно лишь избирательно показать какие-то детали, но нельзя, к примеру, сделать основной темой сюжет серии про “бальную вечеринку”. То же самое касалось и других сюжетных линий. Впрочем, “грабёж” мог бы стать ключевым пунктом.

– Хм, интересно! – прокомментировал Ван Ян, отложив сценарий.

После где-то поверхностного, а где-то внимательного прочтения большей части содержания у него уже сложилось общее впечатление: красивые безграничные просторы, отличный юмор. И хотя научные технологии изображены не такими высокоразвитыми, как в других картинах про космос, данный проект мог бы стать довольно необычным и крутым... Глядя на улыбающегося Уидона, Ван Ян кивнул и сказал:

– Сеттинг мира интересный, очень яркий, а экипаж судна производит глубокое впечатление.

Уидон убрал ложку, сделал глоток кофе и произнёс:

– Спасибо, ковбои и Китай принесли мне много вдохновения.

Он с любопытством спросил:

– Я не наделал ошибок в китайских фразах?

– Нет, но там почти одни ругательства, – посмеялся Ван Ян и похлопал по обложке сценария, на которой от руки было написано большими иероглифами слово “спокойствие” (*серенити*).

Уидон тоже засмеялся, а Ван Ян сказал:

– Мне кажется, можно было бы добавить чего-нибудь повеселее, например, капитан корабля

Мэл читает классическую китайскую поэзию: «У кровати лунный свет, словно иней бросил след...» Шучу, – хихикнул он, покачав головой, и приступил к просмотру общих набросков киносценария, которым Уидон занимался последние несколько дней.

В мире «Светлячка» показывается человеческое общество спустя пятьсот лет. Земляне в процессе исследований обнаружили “новую Солнечную систему” с десятками планет и сотнями спутников, в результате чего население Земли, уже давным-давно ставшее избыточным, массово отправилось на освоение новой Солнечной системы. Именно в рамках этой новой Солнечной системы и разворачивается история. Нет никаких инопланетян, есть лишь люди и живые существа, сходные с земными.

К этому времени остались только две сверхдержавы: США и Китай. Они образовали федеральное правительство, или Альянс. Под их контролем находятся центральные планеты новой Солнечной системы. Две культуры слились вместе и достигли высокого научного развития.

Пограничные же планеты и спутники новой Солнечной системы осваиваются “космическими ковбоями”, там создаётся новое Малое Правительство, но ему не хватает высокотехнологичной и культурной инфраструктуры. Пограничная зона выглядит заброшенной.

Затем вспыхивает война. “Независимые”, сформировавшие Малое Правительство, естественно, проигрывают Альянсу. Мэл, некогда исполнявший обязанности сержанта сухопутных войск в Долине Серенити, покупает космический корабль класса Светлячок и называет его Серенити. Он грубоватый на словах, но добрый в душе человек и, несмотря на контрабандистскую и бандитскую деятельность, яро придерживается справедливости, однако любит себя показывать безжалостным и нахальным, частенько отпускает шутки. Это бунтарский и обаятельный капитан-ковбой.

А его прошлое кажется довольно загадочным. На первый взгляд он похож на того, кто с детства рос на ранчо, но в сценарии Уидона его биография не была чётко прописана. Должно быть, она определится по ходу сюжета.

Среди основных членов экипажа есть Зои. Она темнокожая женщина, владеет определёнными знаниями и боевыми навыками, во время войны была подчинённой Мэла. Она всегда преданно и беспрекословно слушается Мэла, но между ними нет любовных отношений. Её белый муж Уош – пилот Серенити, он слегка трусливый “гик”, ему нравится одеваться в гавайском стиле и коллекционировать модельки динозавров, вдобавок у него поразительное мастерство пилотирования, позволяющее ему управлять потрёпанным кораблём Серенити, у которого в любой момент может отвалиться или взорваться какая-нибудь деталь.

Ещё есть Джейн, но это не девушка, а мускулистый мужчина с низким IQ и низким эмоциональным интеллектом. Он присоединился к экипажу в качестве наёмного солдата. На работе он “главный стрелок”, демонстрирует высокую боевую мощь, но в жизни полный олух. Уидон пояснил:

– Он тот тип людей, что задают глупые вопросы.

Кейли – механик корабля, но она не проходила никакую стандартную подготовку и благодаря своему природному дару механика и интуиции содержит Серенити в рабочем состоянии. Она беззаботная, жизнерадостная и простодушная девица, втайне влюблена в доктора Саймона, у которого есть младшая сестра. Саймон – первоклассный хирург. Он всячески скрывает свои эмоции и желания, поскольку ему кажется, что главная задача – это позаботиться о своей

сестре Ривер.

Ривер, из-за того что Альянс провёл на ней тайные эксперименты, как будто сошла с ума. Она целыми днями странно себя ведёт, имеет каменное лицо, молчалива, но в плане боеспособности она сильнейший воин не то что на корабле, но и во всей новой Солнечной системе, знает много стилей кунг-фу, обычно не пользуется огнестрельным оружием.

Кроме того, на борту ещё есть пастырь и компаньонка. Также Уидон придумал других разнообразных персонажей, но не вписал их в историю.

Тем не менее в новой Солнечной системе, помимо Альянса и беглых Независимых, есть ещё другая сила – жуткие Пожиратели. Они тоже люди. Неизвестно, откуда они родом, им нравится носиться по космосу флотилией. В них нет ничего человеческого, они обожают самоистязание и уродуют собственные лица. Каждый Пожиратель ужасающе силён. Они блуждают по окраинам космоса, занимаясь жестокой резнёй, каннибализмом, разрушением...

Перед Пожирателями трепещут абсолютно все, начиная от простого народа и заканчивая торговыми и военными суднами... Эти существа повсюду приносят смерть и опустошение.

– Хм... – Ван Ян, читая наброски киносценария, снова полистал телесценарий и просмотрел сеттинг. Оказывается, десятки миллионов Пожирателей прежде были нормальными людьми. Когда-то они приняли участие в проводимой Альянсом “программе по очищению разума”.

Альянс стремится создать “прекрасный мир”, новый мир, где нет борьбы, нет уродства, есть лишь радость и доброта, а потом распространить этот мир по всей новой Солнечной системы. В итоге Альянс отобрал одну планету, отправил туда десятки миллионов человек, рассеял по воздуху вещество, способное “устранить человеческую агрессию”, но потерпел неудачу. Участвовавшие в эксперименте люди превратились в чрезмерно зверских и беспощадных Пожирателей. Это событие Альянс хранит в тайне.

Телепатия Ривер позволяет ей слышать крики и вопли, доносящиеся с планеты Пожирателей. Она тот, кто может выдать тайну, поэтому старший брат Саймон вызволяет её из лаборатории и нелегально садит на Серенити, после чего Альянс отправляет тайных полицейских в синих перчатках, которые постоянно отслеживают брата с сестрой.

Когда Ривер в очередной раз чувствует сигнал и координаты, команда Серенити решает направиться к той планете и узнаёт тайну Пожирателей. Мэл, естественно, собирается предать широкой гласности эту тайну, ввиду чего отправляется в одно место, откуда можно отправить десяткам окружающих планет сигнал диска, на котором содержится тайна. Альянс не сидит сложа руки и всячески старается ему помешать, но после тяжёлой борьбы Мэл и его люди наконец отправляют сигнал и Серенити продолжает свой путь.

По мере чтения Ван Ян постепенно нахмурился и подумал о кое-каких вещах. После долгого молчания он глотнул кофе и, взглянув на Уидона, сказал:

– Джосс, мне бы хотелось это снять.

От этих слов лицо Уидона приняло радостное выражение. Ван Ян продолжал:

– Давай ты сперва приведёшь в порядок киносценарий, потом передашь мне, я должен добавить свои идеи, договорились?

– Хорошо, не вопрос! – без колебаний отозвался Уидон. Он доверял «Светлячка» такому

владельцу кинокомпании, продюсеру и режиссёру, как волшебный юноша. А если это ещё и оscarоносный режиссёр, то у сценариста вообще нет никакого права голоса. Приступить к производству только после того, как режиссёр ознакомится со сценарием и внесёт в него свои поправки, – обычное дело. Когда-то Уидон передал киносценарий «Баффи – истребительница вампиров» в руки 20th Century Fox, фильм был снят ужасно, но ему лишь оставалось с болью в сердце смотреть на результат.

Конечно, повезло, что впоследствии он получил шанс перенести «Баффи» на малые экраны и смыть позор киноверсии. А сейчас он доверял сценарий волшебному юноше. Каким будет результат? Уидон следом спросил:

– Ян, не поведаешь сейчас свои идеи? Как собираешься снимать?

– Мир классный, и люди на этом корабле классные. Есть ли ещё другие Независимые военные? Каков облик центральных планет с научно-технической стороны? Может, придумать побольше интересных фишек после слияния культур? – высказывал идеи Ван Ян, представляя мир.

Уидон кивнул. Всё это расширит мир. Ван Ян ненадолго замолк и, пожав плечами, произнёс:

– Одного фильма явно будет недостаточно, но мы можем снять франшизу из трёх или четырёх фильмов. Первый фильм ключевой.

У Уидона загорелись глаза. Если всё так и будет, то могут получиться новые «Звёздные войны» или новый «Звёздный путь»!

– Джосс, – улыбнулся Ван Ян и искренне пригласил: – Если приступим к съёмкам первого фильма, как насчёт стать генеральным продюсером? Если будет второй фильм, не знаю, займусь ли я съёмками... Понимаешь, пока я молод, хочется попробовать себя в разных жанрах. Во втором фильме ты выступишь режиссёром.

– О'кей! Разумеется, – с улыбкой закивал Уидон, не в силах сдержать радость и возбуждение. – О'кей, о'кей! По правде говоря, я на это и надеялся.

Оба человека рассмеялись. Уидон надеялся надолго задержаться в киноиндустрии, при этом не хотел работать с низкобюджетными картинками категории В, однако ему всё никак не выпадал шанс. И хотя он добился неплохих успехов на малых экранах и приобрёл массу преданных фанатов, всё же это были малые экраны, которым было не сравниться с большими экранами в кинотеатрах. К настоящему времени он ни разу не был кинопродюсером и кинорежиссёром.

Ему также требовалось поучиться, потому что в плане планирования кадров он подвергся глубокому влиянию телевизионного формата, что привело к узкому мышлению. А если из «Светлячка» делать кино, то должен быть просторный фильм в стиле вестерна. Вступив на должность генерального продюсера, он мог бы поучиться у волшебного юноши приёмам съёмки. Если будет второй фильм, то он ещё и станет режиссёром...

– Блестяще! – улыбаясь и жмуря маленькие глаза, промолвил Уидон, затем принялся радостно пить кофе. Как хорошо, что он прочитал ту газету и набрал тот номер телефона.

– У меня пока сумятица творится в голове, мне надо хорошенько обдумать, что я буду снимать, – ответил на недавний вопрос Ван Ян и со слегка несчастливым видом произнёс: – Как рассказать эту историю, как сложить из этих деталей хороший фильм... Как бы там ни было, могу с уверенностью сказать, что бюджет будет огромный. Также я добавлю персонажей китайского происхождения. Ты не находишь ничего странного? – он развёл руками и

улыбнулся. – В таком сеттинге, где США и Китай образовали Альянс, где довольно большое население и слиты воедино две культуры, но при этом в сценарии отсутствуют китайцы, – он пожал плечами. – Китайцы спокойно живут себе на центральных планетах? Да ладно! А как, по-твоему, я оказался в этой стране? Мне бы познакомить тебя с моим дедом, он приехал в Сан-Франциско в поисках золота, в его жилах течёт кровь авантюриста.

– Хе-хе! – посмеялся над собой Уидон. – Знаешь, Ян, я исходил из предпочтений рынка, потому и придумал именно таких персонажей. Я бы и сам хотел увидеть китайские лица. Если ты возьмёшься за съёмки, уверен, ты придумаешь, как заставить рынок это принять.

Ван Ян кивнул. Конечно же, он осознавал этот факт. На самом деле то, что Уидон придумал такой сеттинг, уже говорило о том, что он испытывает симпатию к китайской культуре и китайцам. Это была одна из причин, почему Ван Яну сразу понравился данный сценарий. Он серьёзно поразмыслил и сказал:

– Пока не будем добавлять новых персонажей, достаточно изменить цвет кожи. Так или иначе, культуры и национальности переплелись, разве нет? Как насчёт сделать Джейна китайцем?

– Ничего не имею против, – беззаботно кивнул Уидон.

Он знал, что Ван Ян имеет чувство меры и вправе по-своему распоряжаться. В сущности, изменение Джейна мало на что повлияет, но Уидон со смехом спросил:

– Ян, я ошибаюсь или ты хочешь сам сыграть эту роль?

– Не шути. Я, возможно, исполню cameo, но исполнять главную роль, ну уж нет... – усмехнулся Ван Ян, замотав головой. – Я думаю подыскать актёра, который по-настоящему владеет кунг-фу. Может, ты знаешь Дэниела Ву, он сыграл главную роль в моём новом фильме «Команда МТИ-21». Мне кажется, он подходит для Джейна. Забавно: сыграть сначала гения, а потом туповатого качка...

Уидон был в полной мере осведомлён о Ван Яне. Услышав имя Дэниела Ву, он вспомнил, кто это, и с некоторым недоумением сказал:

– Но Дэниел Ву недостаточно крупной комплекции.

– Да, поэтому, если он заинтересуется, я потребую от него набрать вес, чтобы он выглядел крупнее, – Ван Ян сделал глоток кофе и, представив накаченного Дэниела, серьёзно сказал: – Если он наберёт недостаточно веса или будет иметь недостаточно красивую фигуру, тогда Джейн останется белым, придумаем нового члена экипажа китайского происхождения.

– Ладно, – Уидон, конечно, согласился.

Ван Ян, скользнув взглядом по иероглифам “спокойствие”, опять заговорил:

– Думаю, в фильме должна быть эстетичная картинка, передающая особое настроение. Я совмещу вестерн и восточную классику.

Услышав про эстетику, Уидон тотчас возбудился и промолвил:

– О, точно! Я постоянно представляю, как табун лошадей мчится по пастбищу, а потом в небе над ними пролетает космический корабль.

Ван Ян улыбнулся и кивнул. Это классический кадр, выполненный в духе вестерна, как в «Танцующем с волками». Он задумчиво произнёс:

– Джосс, я не собираюсь ограничиваться вестерном. Представь китайскую реку, вдалеке от обоих берегов большие горы, широкая река уходит в необозримую даль, в небе зависло уходящее солнце, которое сияет так, что весь кадр получается в жёлто-красных тонах. И тут над рекой пролетает Серенити. Это называется... «Вечерняя песнь на рыбацкой лодке».

– О, понимаю! – в глазах Уидона пробежал блеск, он потёр лоб. Ему приводилось наблюдать подобные кадры.

Он невольно восхитился:

– Очень красиво!

– Или представь бесконечный горный хребет, чьи высокие пики окутаны зеленью; повсюду густой туман, затем из тумана вылетает Серенити. Это называется «Горы в туманном море», – описывал Ван Ян. В «Аватаре» как раз была использована такая атмосфера, во многих кадрах присутствовала восточная эстетика.

Ван Ян задумчиво сказал:

– Я вот думаю, как совместить два в одном. Перебарщивать не стоит, даже хватит одной или двух сцен с гармоничным сочетанием.

Уидон был немного опьянён атмосферой гор в туманном море. По сравнению с необъятными пустошами вестерна, этот кадр действительно полон таинственности и ощущения инопланетной жизни. Уидон, насупившись, с ухмылкой произнёс:

– Не могу придумать, как это сделать. Кое-кто должен мне рассказать.

– Ладно, я постараюсь придумать, – усмехнулся Ван Ян. У него это была одна из главных задач, выполнение которой непосредственно повлияет на успех фильма. Если совмещение культур будет показано плохо, тогда в результате получится что-то непонятное. Если же совмещение пройдёт идеально, тогда фильм будет приятно смотреть.

В задумчивости полистав несколько страниц набросков киносценария, Ван Ян произнёс:

– Жду от тебя готовый киносценарий. И ещё, у меня есть идея, которую точно надо задействовать: место тайных опытов Альянса не ограничится лишь планетой Пожирателей...

– Что ты хочешь сказать? – удивился Уидон, приняв озадаченный вид. Такое изменение непосредственно повлияет на весь мир и историю.

Ван Ян, попробовав горький кофе, чуть скривил рот и произнёс:

– В списке программы по очищению разума есть много планет, на каждой из которых проводятся разные эксперименты. Планета Пожирателей лишь одна из них, это самый провальный и сильнее всех вышедший из-под контроля эксперимент, но, возможно, есть успешные или частично успешные эксперименты.

Далее двое людей изучили и обсудили ещё некоторые вопросы, а также утвердили кое-какие новые детали в сеттинге мира. Уидон согласился отдать Ван Яну законченный киносценарий

после окончания съёмок «Дьявол носит Prada» и разрешил ему внести корректировки по своему усмотрению, особенно в той части сценария, что касается китайской культуры.

По завершении этой приятной беседы Ван Ян, взяв с собой телесценарий, немедленно поспешил обратно в отель, чтобы побыть рядом с Джессикой.

– Ян, я тут раздумывала и поняла, что ты мне больше не нравишься, – холодным голосом и со спокойным лицом сообщила Джессика сидя на диване. – Мы расстаёмся. Как вижу тебя, мне так некомфортно сразу становится. Сам скажи, что это ещё может означать?

– Чего?.. – спросил Ван Ян, в замешательстве уставившись на неё. – Мы вроде бы помирились, нет? Ты же знаешь, что я не со зла так поступил с тобой, да и результат отличный!

Лицо Джессики приняло гневное и обидчивое выражение, она начала ругаться, с каждым словом повышая голос:

– Ничего не отлично, ты играл со мной как с игрушкой, я для тебя подопытная крыса, для тебя важнее кино, чем я. Я так доверяла тебе, а ты меня ранил!

Ван Ян почувствовал, как у него больно заколотилось сердце, и сердито вымолвил:

– Что с тобой? Ты для меня важнее всякого кино, и я хотел помочь тебе! Я на тот момент не знал, чего ты действительно хочешь, ты мне не говорила! Я лишь хотел помочь! Знаю, поступил некрасиво. Брось, Джессика! Почему ты не можешь простить меня?

Джессика с отвращением ухмыльнулась, глаза покраснели, словно она хотела кого-то прикончить:

– Убирайся, вали на хер! Я никогда не прощу тебя, пошёл в задницу! Ты скотина, чтоб ты сдох! Отвали! – она махом кинулась на него и раскрыла рот, собираясь укусить его за лицо.

– О боже! – Ван Ян резко открыл глаза и увидел перед собой потолок отельного номера. Лоб и спина уже были влажные от холодного пота, дыхание было тяжёлое и учащённое. Повернув голову налево, он увидел крепко спавшую Джессику, которая по-прежнему осталась с ним. Та правой рукой сжимала его левый локоть, брови были слегка нахмурены, словно ей тоже снился какой-то кошмар.

После такого дурного сна у Ван Яна полностью отпало желание спать. Под тусклым светом лампы он осматривал лицо Джессики. Такое милое, красивое, знакомое... Он улыбнулся. Когда она смеётся, то так очаровательна, а когда плачет... Ван Ян тихо вздохнул и, поглядывая на Джессику, погрузился в размышления.

Правильно или ошибочно он в конце концов поступил? Почему правильно? Почему ошибочно?

Хотя раньше ему было неизвестно, о чём она на самом деле мечтает, он так поступил прежде всего потому, что действительно хотел осчастливить её, помочь ей исполнить свою мечту, пусть даже это её взбесит, вот только он думал, что она не разозлится. Но можно ли её винить? Ван Ян покачал головой, поглаживая её ладонь. Она любила его всей душой, а её, точно в кошмарном сне, ранил человек, которому она больше всех доверяла. Так почему она не должна злиться?

Чем его поступок отличается от Альянса и современной Америки? Альянс хочет создать прекрасный мир, хочет сделать всё человечество счастливым, пусть даже в жертву будут

принесены десятки миллионов людей. Америка, с официальной точки зрения, стремилась устранить правительство Хусейна, обезопасить американцев, наладить жизнь иракского народа, пусть даже пришлось временно терпеть войну и хаос. Это всего лишь как поставить укол!

Но что вводится? Лекарство или яд? Ответ зависит от реакции пациента. Ему может стать лучше, а может стать хуже. Что если бы Джессика так сильно расстроилась, что прекратила бы выступать? Возникли Пожиратели, перестраивающийся Ирак попал в ещё более запутанное положение...

Вопрос состоял в том, в качестве кого и по какому праву Ван Ян принимал решения за Джессику? По какому праву Альянс принимал решения за человечество? По какому праву Америка принимала решения за иракцев? По какому праву был поставлен этот укол, из-за которого Джессика, человечество и иракцы отведали боль? В качестве парня? В качестве владельца кинокомпании? В качестве режиссёра? Ван Ян считал, что в качестве парня, однако...

Разве из-за любви к ней, из-за того, что хочешь вдохновить её достичь новых высот, можно делать ей больно? Это была его или её прихоть? Неужели можно вот так навязывать свои мысли другому человеку, даже если веришь, что это принесёт счастье?

А если ты знаешь, что это действительно принесёт счастье? Почему бы не потерпеть эту боль? Надо проявлять взаимопонимание и снисходительность... Нет, Альянс под знаменем свободы правит новой Солнечной системой и в стремлении к новому прекрасному миру проводит опыты, но делать выбор за других – свобода ли это?

Предположим, есть скважина. Внутри неё обитает группа лягушек, которые живут бедно, но считают, что всё в порядке. Лягушки на поверхности земли хотят поднять их наверх, считают, что вызволят их в новый прекрасный мир, но во время подъёма можно упасть и насмерть разбиться. Захотят ли подземные лягушки подняться наверх? Смогут ли наземные лягушки, “давая свободу и благополучие”, насильно вытащить их наверх, вместе с тем есть вероятность, что их самих потянут вниз и они разобьются, тогда родные лягушек по обе стороны скважины будут горевать.

Что такое свобода... Решать за других? Делать укол, терпеть боль? Хороший результат?..

– Светлячок... – прошептал Ван Ян.

Интересно, но вопросов в голове становилось всё больше. И был ещё один вопрос, над которым он уже долгое время размышлял. Вопрос доброй и злой стороны человеческой натуры... Если бы была возможность полностью избавиться от злой стороны, нужно ли её оставлять? Злая сторона правда не приносит никакой пользы обществу? Если полностью избавиться от неё, возникнет прекрасный новый мир?

Не успел он толком задуматься, как в этот момент Джессика вдруг нахмурилась и со страдальческим видом тихо залепетала во сне:

– Ян, Ян... Не надо... Ненавижу тебя... Люблю тебя...

– Я люблю тебя, – тихо произнёс Ван Ян и поцеловал её в щёку.

У Джессики дёрнулись веки, она резко ахнула и пробудилась, на лице была написана растерянность. Ван Ян понял, что ей приснился кошмар. Он обнял её, сказав:

- Дорогая, всё в порядке, это всего лишь сон.

Джессика, тяжело дыша, уставилась на него, неожиданно уголки рта задрожали, глаза наполнились горечью, она, всхлипывая, промолвила:

- Ян, мне приснился кошмар: мы сильно поссорились, ты сказал, что необходимо расстаться...

- Не волнуйся, это неправда... - Ван Ян ещё крепче обнял её, Джессика тоже обняла его.

Они смотрели друг другу в глаза, в которых читались непонимание и страх. Они лишились дара речи. Да что в конце концов происходит?!

В спальне долго царила тишина, двое людей всё это время с любовью и нежностью переглядывались, однако между ними до сих пор оставалась та невидимая стена, которая раздражала и пугала их. Они хотели избавиться от стены, чтобы быть такими же счастливыми, как и раньше, даже быть ещё более счастливыми...

- Джессика, - тихо окликнул Ван Ян, сделал глубокий вдох и, выдохнув, излил свою душу: - Я не супермен, я всего лишь ребёнок, я во многом не разбираюсь, я неправильно понял твои взгляды. Джессика, порою я очень импульсивный. Решив, что надо поступать вот так, я, несмотря ни на что, так и поступаю, даже если это кого-то ранит... Такая я скотина, но, не знаю... - его лицо приняло выражение растерянности. - Я ранил тебя, я идиот, я совершил ошибку, но я правда люблю тебя! Я хочу видеть, как ты счастливо улыбаешься... - он шмыгнул носом и тяжело вздохнул. - В последние дни, когда снимались те сцены, в которых у тебя плохо получалось, ты была расстроена. Ты так старалась, но... Я знал, в чём проблема, и хотел помочь тебе. Мне казалось, я смогу контролировать ситуацию, что ничего ужасного не произойдёт. Я думал, что как только ты мне поверишь, я сразу же расскажу тебе правду, после чего всё наладится, но я ошибался, я слишком зазнался... Мне только что приснилось, как ты говоришь: «Я никогда не прощу тебя». Мне правда, правда хотелось расплакаться...

- Ян! - невольно крикнула Джессика.

Видя, как он задыхается и чуть ли не плачет, она почувствовала, как сердце больно сжалось и вместе с тем наполнилось чувством счастья. Вот же дурак... Растерянность в её взгляде мало-помалу сменилось решимостью, она тоже излила душу:

- Ян, я знаю, что ты всегда заботаешься обо мне... Это я импульсивна, целыми днями могу давить на тебя, просить вместе снять кино или ещё что-то требовать... Я эгоистичная, я просто... Я просто люблю покапризничать.

В её глазах проскользнул стыд. Глядя на Ван Яна нежным и искренним взглядом, она продолжала:

- Мне всегда хочется быть крутой девчонкой, но перед тобой мне хочется покапризничать, я хочу, чтобы ты любил меня, утешал меня, обнимал меня... Это я ребёнок. Я редко говорю тебе, чего я по-настоящему хочу, из-за чего ты неправильно меня понимаешь. А всё потому, что мне хочется романтики, хочется, чтобы ты делал мне приятные сюрпризы... Я до этого никогда ни с кем не встречалась, поэтому ориентируюсь по тому, что пишут в журналах, я не разбираюсь... Не знаю, как надо вести себя...

Слушая эти слова, Ван Ян невольно поцеловал её и сказал:

- Мне нравятся твои капризы. Именно за то, что ты такая, я тебя и полюбил. Джесси, ты

нормально справляешься, ты всегда самая лучшая девушка, – он слегка покачал головой. – А я вот не самый лучший парень, я должен быть чутким и внимательным к тебе, должен больше думать, когда считаю себя правым. Но я облажался, я только вчера узнал тебя по-настоящему...

– Ян, отношения разве не так устроены? Есть приятные моменты, а есть ссоры, двое людей познают друг друга, вместе растут, – улыбнулась Джессика и, увидев, что он тоже улыбнулся, добавила: – Ян, знаю, ты вчера тоже страдал. Но ты не виноват. Мне кажется, твой поступок нельзя назвать ни верным, ни ошибочным, это всего лишь... я думаю...

Глядя на его лицо, она с лёгкой улыбкой вымолвила:

– Любовь! Это всего лишь любовь.

Ван Ян тут же ощутил тепло и сладость на душе, ему стало радостно, что она поняла и простила его.

– Да? – улыбаясь, спросил он.

– Неважно, помогло бы это моей игре или нет, я в любом случае не стала бы ненавидеть тебя! Всё-таки мне было не настолько плохо, да и наши отношения не настолько хрупкие, – чем больше говорила Джессика, тем спокойнее становилось на душе, беспорядочные чувства постепенно прояснились, ей стало понятно, почему ему казалось, что после такого скотского поступка “ничего ужасного не произойдёт”. Если бы она так поступила, возненавидел бы он её? Нет. Она принадлежит ему, он принадлежит ей.

Смотря в его чёрные глаза, она с улыбкой промолвила:

– Ян, ты просто слишком хорошего обо мне мнения, но я не такая хорошая, я умею злиться...

Ван Ян произнёс:

– Я понимаю. Было бы странно, если бы ты не злилась. Я думал, ты меня тогда нещадно поколотишь, и на этом успокоишься.

– Я так и хотела! Но я вся вымоталась, пока плакала, – высунула язык Джессика.

Ван Ян улыбался и поглаживал её шелковистые волосы. Губы Джессики сжались, взгляд стал необычайно серьёзным, она сказала:

– Не принимай близко к сердцу ту мою ругань, ладно? Я сказала это сгоряча. Если бы кто-то ругал тебя так, я бы точно забила его до смерти...

Ван Ян перебил её:

– Пустяки, меня эти слова никак не задели. Ты та, кто может в любое время меня ругать. Но и ты не бери близко к сердцу мою ругань, сказанную сгоряча! Ты прекрасная женщина, добрая, отзывчивая, красивая, милая...

Глядя на её улыбающееся лицо, он добавил:

– Ты моя самая любимая женщина.

– Ян, я в тот момент правда очень расстроилась и разочаровалась, – вздыхая, откровенно

признавалась Джессика. – У нас были такие хорошие отношения, в будущем мы могли пожениться, я бы стала хорошей женой, у нас был бы ребёнок... И тут ты говоришь, что наши отношения требуют перемен, я уже было подумала одно, а ты взял и обманул меня, заявив, что надо расстаться, вот я и пришла в бешенство.

Ван Ян легонько провёл ладонью по её немного грустному лицу, сказав:

– Знаю, ты разочаровалась. Тут я и впрямь облажался. Я не понимал твоих настоящих желаний и мыслей и за тебя решил “помочь” тебе, в результате самолично разрушил то, что для тебе важнее и дороже всяких выстуллений. Джессика, я не умею дорожить, я разрушил наши чувства...

– Нет, они не разрушены! – в глазах Джессики запылал огонь, она плотно прижалась своей грудью к его груди. Оба сразу смогли почувствовать сердцебиение друг друга. Тук-тук-тук...

Их глаза впились друг в друга, два окна души соединились вместе. Джессика вымолвила:

– Чувствуешь? В моём сердце они не разрушены и до сих пор в порядке!

Ван Ян кивнул:

– И у меня так же, они всё ещё целы!

Джессика на какое-то время затихла, как вдруг произнесла:

– Но впредь так больше не делай, ладно? Что бы там ни было, не делай так.

На её лице отражались нежные чувства, она тоже поглаживала лицо Ван Яна и говорила:

– Ян, я люблю тебя, я не хочу на одной лишь съёмочной площадке полностью отдаваться тебе, понимаешь? В жизни, во снах, каждую минуту я готова вся отдаться тебе. Я буду всем сердцем доверять тебе, опираться на тебя, любить тебя... Пообещай мне!

– Джесси, обещаю тебе, такого больше не повторится, – тихим, но твёрдым голосом ответил Ван Ян. Ему хотелось, чтобы девушка его настолько сильно любила, а такое бывает, только если у девушки это первые отношения. Почему же он не ценил эти чудесные отношения и поступал так, что в любой момент мог их разрушить? Разрушь он всё, это было бы его самым большим сожалением в жизни.

– Ага! Потому что это для меня важно! – Джессика показала милую улыбку.

Ван Ян коснулся её лба своим лбом и следом улыбнулся:

– Для меня это тоже важно.

Джессика почувствовала, как её пульсирующее сердце вновь обрело счастье, но вдруг о чём-то подумала и тотчас выпучила глаза:

– Господи! Ян, я сейчас так счастлива. Я ещё смогу сыграть Андреа?

Ван Ян остолбенел, тоже придя в некоторое замешательство:

– Все равно ведь должно получиться? Твоя главная проблема – войти в роль.

Джессика расслабилась. При мысли об этом деле ей почему-то стало весело. Она стукнула Ван Яна в плечо и капризно вымолвила:

– А если не получится сыграть, как быть? Опять расставаться? Боже! – она звонко захихикала. – Дорогой, как тебе в голову пришла эта дурацкая идея? Надо было мне тебя так разыграть на День дурака!

– В следующем году сможешь от души отомстить мне, правда, я уже буду в курсе, – рассмеялся Ван Ян.

У Джессики забегали глаза, она прошептала:

– Я что-нибудь придумаю... Хм, ладно, пощажу тебя разок!

У неё не было и мысли мстить ему, но она внезапно воодушевилась:

– Ян, как насчёт поболтать всю ночь?

Ван Ян снова погладил её волосы, сказав:

– Хорошо, мне сейчас все равно не хочется спать, да и вчера мы достаточно порезвились. О чем поболтаем?

Джессика возбуждённо промолвила:

– Хм, начнём с нашего детства и так дойдём до настоящего времени! Помнишь, как мы впервые встретились?

Ван Ян усердно задумался, воспоминания были мутные:

– Помню, ты вошла в класс, была стеснительной, все смеялись...

.....

– А потом ты пнул его, ха-ха! Он от страха в штаны наложил, это было круто!

– Этого я что-то не припомню. А помнишь, как на уроке природоведения...

Чёрное небо над Нью-Йорком постепенно посветлело, а в спальне до сих пор раздавались весёлые голоса и смех.

<http://tl.rulate.ru/book/41606/1621935>